

О.Г. Ульянов (Москва)

ПЕРВЫЙ ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ НА РУСИ: ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОКИ ЧИНА РЫНД

Первые документальные сведения о рындах появляются в источниках во время правления государя Василия III, когда происходит сознательная переориентация великокняжеской власти на традиции и обрядность византийского двора, что обусловило появление новых дворцовых чинов, включая чин оружейничего, и структурализацию всего дворцового казнохранилища.¹ Правда, в литературе периодически встречаются ссылки на ошибочное утверждение А.Н. Кирпичникова в его докторской диссертации, что будто бы придворный секироносец упоминается в ряде летописных известий уже при отце Василия III с 1486 г.² На самом деле Львовская летопись под 1468 г. в широко цитируемом фрагменте текста содержит описание вовсе не русского, а татарского двора: «*придоша на татар... а другово бердышника*».³

Именно рындам, чье звание не являлось пожалованным,⁴ оружейничий конституировал на определенных условиях свои полномочия по надзору за Государевой оружейной казной. С момента самого раннего упоминания в разрядных книгах за 1521 г.⁵ рынд в количестве 6 человек эту казну составляли «*большой саадак, большое копье, другой саадак, другое копье, третий саадак, рогатина*» (всего 6 предметов парадного вооружения), в частности, в разрядах 1556 г. «*другой саадак*» назван «*писанным*», а «*третий или меньший*» – «*нахтермянным*». По свидетельству С. Герберштейна, в свите государя Василия III в 1526 г. уже находилось двое рынд – один с секирой «*из слоновой кости*», а другой – с шестопером, причем у обоих оружие было «*венгерского типа*».⁶ В этой связи заслуживает внимания тот факт, что в «Сказании» Якова Рейтенфельса (Jacob Reutenfels), по-

сетившего Россию в 1671–1673 гг., также упоминаются двое рынд, «которые в белом одеянии стоят по обеим сторонам царя, когда он сидит на престоле, один из них держит в руках **топор или секиру, украшенную слоновой костью**, а другой – **шестопер или булаву**».⁷

На византийское происхождение чина рынд указали одними из первых российские историки Ф.И. Миллер⁸ и Н.И. Новиков⁹, сославшись на историческое сочинение середины XII в. «царевны Анны Комниновой», т. е. на «Алексиаду» (Αλεξιάδα), в котором действительно упоминаются варяги (ил. 1) в качестве почетного

Ил. 1. Варяжская стража императора Льва V. Миниатюра. Хроника Иоанна Скилицы. XII в. Madrid, Biblioteca Nacional. MS Graecus. Vitr. 26-2. fol. 26va

караула василевса: «варяги из Фулы (так я называю **вооруженных секирами варваров**)» (II, 9), «варвары-чужеземцы, носящие обычно мечи на правом плече» (III, 9), «Император выделил **шесть воинов, которым поручил охрану своей особы** и приказал следить за ним и ни на кого больше не обращать никакого внимания» (VII, 3).¹⁰ По сообщению А. Поссевино, которому была предоставлена в 1581 г. аудиенция в Кремле, московские бояре при объяснении придворного обряда с участием рынд также приводили в пример «Мануйло, царя греческого»: «из давних лет во всех государствах ведетца... оруженники около государей стоят, то государей чин да и гроза».¹¹ Однако в «Скифской ис-

тории» 1692 г. А.И. Лызлова возникновение придворного чина рынд связано с посольством крымского хана Девлет-Гирея в 1572 г., когда *«завязятя обычай, яко во время бытия послов иноземских пред лицом царским начата поставляти знаменитых четырех мужей, которых рындами называют, со обнаженным оружием: прежде с топорами, а потом недавних перемен начата поставляти таковых мужей с мечами обнаженными, соблюдения ради царского здравия и на страх послов, приступающих к целованию руки самодержца»*.¹²

Как показывает анализ всего комплекса источников, появление рынд при дворе государя Василия III правомерно связать с деятельностью казначея Ю.Д. Траханиота (Τραχανειώτης), занимавшего столь важное положение как *«главный советник государев»*, что *«Государь никоим образом не мог обходиться без его услуг»*.¹³ Его дядя Ю.М. Траханиот был одним из первых инициаторов преемственности византийского церемониала при дворе государя Ивана III, когда в сферу главных интересов московского правителя попадает знаменитое *«Donatio Constantini Magni»*,¹⁴ о чем свидетельствует наказ Ивана III своему послу Ю.М. Траханиоту ко двору Фридриха III в марте 1489 г.: *«от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними Римскими Цари, которые Рим отдали Папе, а сами царствовали в Византии»*.¹⁵

Возникновение чина рынд при дворе государя Василия III впервые предположил Н.М. Карамзин, объяснив проникновением пышных византийских обрядов под влиянием царицы Софии Палеолог: *«Василий умножил число сановников одного, прибавив к ним оруженничего, ловчих, крайчего и рынд... рындами именовались оруженосцы, молодые, знатные люди, избираемые по красоте, нежной приятности лица, стройному стану: одетые в белое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топорицами, они ходили перед великим князем, когда он являлся народу; стояли у трона и казались иноземцам подобием ангелов небесных, а в воинских походах хранили доспех государев»*.¹⁶ Датировку Н.М. Карамзина поддержал А.В. Висковатов, разграничивший функции рынд во время военных походов и посольских церемоний: *«Рынды, учрежденные Великим Князем Василием Иоанновичем, отцом Грозного и почти всегда избиравшиеся из Стольников, были непосредственными неотлучными телохранителями Государей. В военное время, если сам Государь от-*

правлялся в поход, они и помощники их, подрынды, следовали за ним в качестве оруженосцев, т. е. имели на своей ответственности его оружие: *«большой саадак, большое копье, другой саадак, другое копье и сулицу, третий саадак, рогатину и доспех»*. В походах рынды вооружались неодинаково, ибо, как уже выше замечено, в вооружении однообразия не было; в мирное же время оружием их были шестоперы, мечи и топоры, уже описанные выше под названием посольских. При поездках или шествиях Государя они следовали подле него, **один с топором, другой с шестопером** (см. свидетельство С. Герберштейна – sic!), а при аудиенциях послам становились по сторонам трона (иногда по одному, иногда по два), держа на плечах мечи, еще чаще топоры. На груди каждого от плеч до бедер висели крестообразно две золотые цепи, а одеждой были турецкие кафтаны и фереязи из камки, из парчи или из красного бархата более из белого; употребляли также и атлас; нередко подол и полы широко опушали горностаевым мехом. Принадлежностью наряда рынд была еще высокая белая шапка из рысьей черевины и белые сапоги». ¹⁷

Точку зрения А.В. Висковатова совершенно проигнорировал А.К. Левыкин, пытавшийся выделить две разновидности чина рынд – лиц, назначавшихся на время военного похода для службы при государевом оружии, и личных телохранителей из царского эскорта на посольских приемах. ¹⁸ Эта спорная гипотеза полностью противоречит источникам по данной теме, и те же посольские топоры рынд упоминаются в XVII в. не только в описаниях парадных приемов послов, но и в походных разрядах, и в царских Троицких походах и объездах. Лишь незнанием современной историографии ¹⁹ и источниковедческой базы можно объяснить поддержку таких ошибочных взглядов Е.В. Пчеловым, приписавшим А.К. Левыкину первенство в новейшей литературе по вопросу о существовании особых воинских регалий в России и выделению круга предметов вооружения, имевших значение военных инсигний. ²⁰

Следует подчеркнуть сознательное следование российских самодержцев дворцовым традициям и церемониалу византийских василевсов, хотя еще в 1483 г. Андрей Палеолог, став в 1473 г. единственным законным представителем всей династии Палеологов и ее прав на византийский престол, отдал хрисовул на ношение парадного оружия и инсигний византийских императоров графу Осорно. ²¹ Тем

не менее, при государе Иване III обряд венчания Димитрия-внука в 1498 г. во многом оказался сходен с хиротониями кесарей в Византии.²² Лишь незнанием дворцового чина рынд можно объяснить отрицательное суждение В.И. Саввы в его известной работе 1901 г., что византийские церковно-гражданские обряды своим появлением в Москве никак не обязаны Софии Палеолог и пришедшим с нею на Русь грекам.²³

По данным С. Герберштейна, именно Ю.Д. Траханиот, пытаясь женить Василия III на своей дочери, организовал в 1505 г. смотрины государевых невест по древнему византийскому обычаю, практиковавшемуся в VIII–X вв. Критика Л.Е. Морозовой, поставившей данный факт под сомнение,²⁴ не учитывает достоверного сообщения Франческо да Колло, посетившего Россию в 1518 г.,²⁵ а также точного упоминания в трактате еп. Паоло Джовио (*Paulus Iovius Novocomensis*) со слов московского посла Дмитрия Герасимова 1525 г.²⁶ Вопреки ожиданиям Ю.Д. Траханиота, как отметил С. Герберштейн, Василий III «выбрал Саломею, дочь боярина Ивана Сабурова»,²⁷ брат которой Иван Юрьевич упоминается в чине рынды уже в 1522 г.²⁸

Столь существенное обстоятельство, т. е. знание Ю.Д. Траханиотом древних традиций византийского двора, тем паче ценно, что в поздней Византии должность протовестиария обратилась лишь в почетный титул, в то время как ее истоки восходят к бытовавшей при императоре Юстиниане должности магистра оффиция, который ведал не только оружейными мастерами и арсеналом Константинополя, но даже руководил внешней политикой Византийской империи. В свою очередь, должность магистра оффиция, название которой обязано римской терминологии в греческой транскрипции, в Древнем Риме также принадлежала начальнику императорского казнохранилища. Так же, как и в римскую эпоху, ведомство протовестиария со временем охватило несколько отделений или приказов, находившихся под управлением отдельных начальников, в том числе ему был подчинен архонт монетного двора²⁹.

Сходный генезис претерпело на Руси и ведомство оружейничего, как ранее было отмечено.³⁰ Впоследствии должность протовестиария, повлиявшая на учреждение при великокняжеском дворе в 1508 г. чина оружничего с подчиненными ему рындами, вновь попала в центр внимания при царе Федоре Алексеевиче во

время разработки «Проекта устава о служебном старшинстве бояр»: *«греческий же протовестиарий сиречь первый нашего царского Величества казне хранитель, понеже имеет в своем хранении нашего царского Величества одежды и всякие многоценные вещи»*.³¹

Нужно заметить, что при константинопольском дворе ведению протовестиария подлежали, кроме того, царские спафарии, которым было поручено нести царское оружие и сопровождать царя в походах. Во главе спафариев находился катепан и domestik царский, руководивший также спафарокандидатами и спафариями с секирами. Почти без изменений вся эта структура была воспринята на Руси с установлением института оружейничего, в распоряжение которого во время государевых походов поступали рынды и поддатни, сопровождавшие царское оружие, причем для каждого предмета царского вооружения назначался отдельный рында. Поступление в поддатни или в рынды считалось почетной привилегией отроков знатных дворянских фамилий, для которых в большинстве случаев оно было обязательным первым шагом к дальнейшему продвижению по службе.

Примечательное известие С. Герберштейна, что в 1517 г. все тот же Ю.Д. Траханиот пытался заявить в ходе переговоров о правах Василия III на Венгрию в силу происхождения венгров с территории Русского государства, следует сопоставить с его вышеприведенным описанием парадного оружия **«венгерского типа»** у рынд в охране государя Василия III в 1526 г.: *«один из них держал секиру из слоновой кости, называемую у них «топор», почти такой же формы, как на венгерских золотых; у другого же была булава, тоже подобная венгерской»*.³² Данное свидетельство до сих пор не попадало в поле зрения оружейников, несмотря на известный факт чеканки двусторонней золотой монеты на Руси при государе Иване III с изображением венгерского короля св. Ласло I с парадным топориком в деснице в подражание золотым флоринам императора Сигизмунда I. В комментариях филологов к данному фрагменту текста С. Герберштейна «венгерский тип» парадного оружия ошибочно связан не с оружейной типологией, а с декором.³³

Однако уникальный золотой «угорский» дукат великого князя Ивана III и его сына-соправителя Ивана Молодого (ил. 2), отчеканенный в 1477/1478 гг.,³⁴ действительно содержит изображение парадного топорика, аналогии которому широко известны

Илл. 2. Золотой «угорский» дукат великого князя Ивана III и его сына-соправителя Ивана Молодого (ГЭ. ОН-Р-Аз-19. диаметр 2,4 см, вес 3,59 г. 958 проба)

среди парадного оружия XV–XVI вв. у дворцовой стражи европейских правителей, в частности, императора Священной Римской империи Максимилиана I.

В 1562 г. в походной Государевой оружейной казне впервые появились пищали и топоры. Почти синхронно 4 рынды, каждый из которых *«на плече нес красивый большой топор, блестящий серебром и золотом»*, были отмечены первый раз в 1564 г. Р. Барберини (Raffaello Barberini) в придворном церемониале у царя Ивана Грозного:

«шел он посреди четырех молодых людей, имевших от роду лет по тридцати...; двое из них шли впереди его, а двое других позади, но в некотором отдалении и на равном расстоянии от него; а одеты были все четверо одинаково: на головах у них были высокие шапки из белого бархата, с жемчугом и серебром, подбитые и опушенные вокруг большим рысьим мехом. Одежда на них была из серебряной ткани, с большими, серебряными же пуговицами до самых ног; подбита же была она горностаями; на ногах сапоги белые с подковками; каждый на плече нес красивый большой топор, блестящий серебром и золотом» (egli era messo in mezzo a quattro huomini di età di circa 30 anni robusti e grandi, figliuoli de' principali Signori, cioè due andavano inanzi lontano l'uno dall'altro e due a dietro co 'l medesimo ordine ma lontani parecchi passi da lui ugualmente, i quali erano vestiti di una sorte medesima, in questo modo: con berrettoni lunghi di velluto bianco con perle e argento foderati con gran mostra allo intorno di pance di lupi cervieri, con veste di tela d'argento infino à i piedi con bottoni molto grossi d'argento, foderate le vesti d'Hermellino, con stivali bianchi ferrati,

li quali portavano in su la spalla una bella e grande accetta per uno lavorata d'argento e d'oro).³⁵

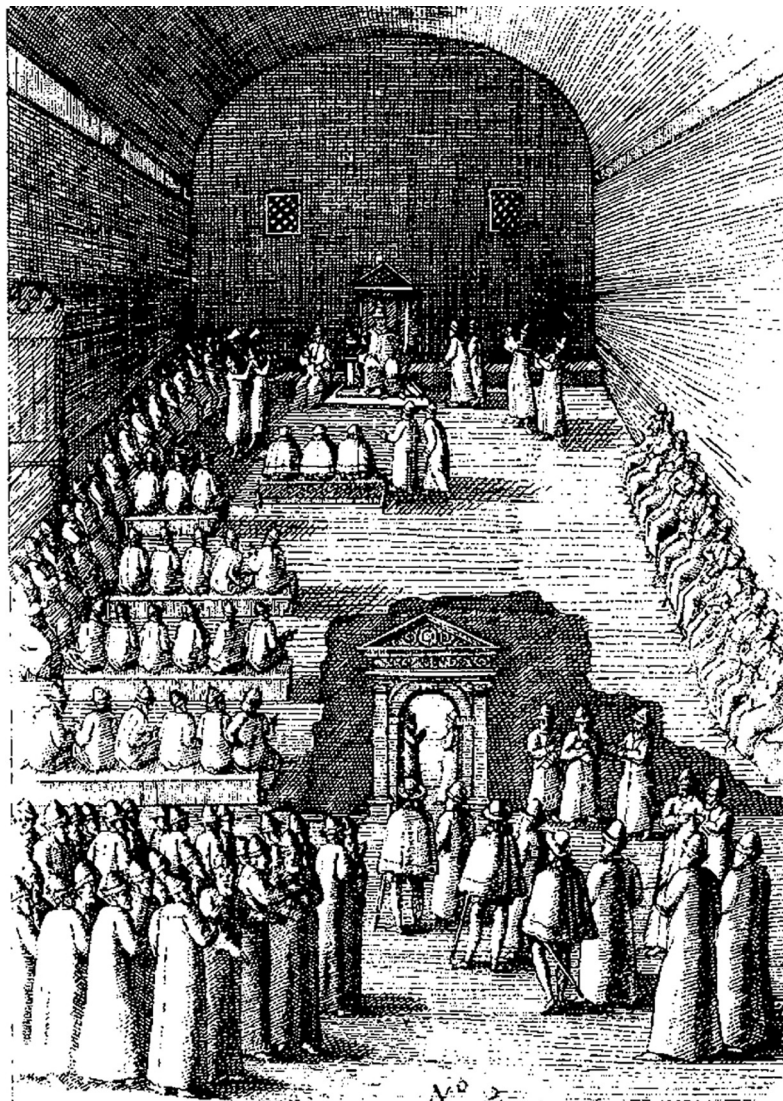
В специальной оружейведческой литературе еще ни разу не поднимался вопрос о дате создания знаменитых посольских топоров рынд и их возможном прототипе. Вместе с тем их первое упоминание в начале 1560-х гг. совпадает с визитом в Москву в сентябре 1561 г. митрополита египетского Иоасафа, который доставил царю Ивану Грозному грамоту Константинопольского патриарха Иоасафа II (1556–1565), подтверждающую право русского самодержца на царский титул, с патриаршим благословением, что имя русского царя будет внесено в диптихи для поминовения на литургии: *«да будешь и ты между царями как равноапостольный Константин... яко же преждеи царь благочестивы, самодержец Комнинос»*.³⁶ Вместе с Утвержденной грамотой 1560 г. делегация из Константинополя преподнесла в Московском Кремле книгу «Чин и устав о венчании и о поставлении царском», содержащую поздний византийский чин коронования (не ранее XIII в.). Неотъемлемой частью чина венчания на царство, как отражено в «Истории» императора Иоанна VI Кантакузина (Ἰωάννης ΣΤ΄ Καντακουζηνός), являлся торжественный выход василевса в сопровождении варяжского почетного караула с топорами: *«По обе стороны императора, справа и слева, благолепно следуют так называемые варяги, имеющие секиры (топоры), и по сотням отменно вооруженные молодые люди из благородных»*.³⁷ В «Хожение Игнатия Смольянина» с описанием чинопоследования венчания на царство византийского императора Мануила II Палеолога 11 февраля 1392 г. уточняется, что *«обанол царя 12 оруженника, от глав их до ногу все железно»*.³⁸ Судя по всему, вместе с чином венчания на царство в Москву были доставлены и парадные варяжские секиры (топоры) константинопольского происхождения, ставшие образцом для всех последующих посольских топоров рынд.

Этимология военного термина «рында»³⁹ все еще представляет загадку для специалистов, предлагающих те или иные спорные трактовки. Версии о древнеисландском (rond – «край щита, щит»), датском (rinde, gende – «бежать») и немецком (ronde – «дозор») источниках М. Фасмер отвергает, предлагая свою гипотезу происхождения из средненижнемецкого Ridder («рыцарь», «знаменосец»)⁴⁰ А.К. Левыкин заимствовал последнюю трактовку без ссылки на

М. Фасмера.⁴¹ В то же время ни С. Герберштейн, ни Я. Ульфельдт не употребляют русский термин «рында», видимо, для них совершенно иноязычного и неясного происхождения. В ряде словарей древнерусского языка можно встретить слово «рындель» («прапорносец»), отчасти близкий к термину «рында»,⁴² но никак не связанный с ним функционально с точки зрения вексиллологии.

По всей видимости, наиболее корректные этимологические параллели для «рынды» следует искать на византийской почве, откуда происходит сам чин. В описании внешнего вида варягов из личной охраны Исаака Комнина, которое изложил историк Михаил Пселл, называвший варягов «тавроскифами», есть одна фраза, вызвавшая затруднение у Я.Н. Любарского и других византинистов: «они заполняли **круг щита** и были вооружены длинными копьями и обоюдоострыми секирами; секиры они положили на плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами».⁴³ Некоторые авторы высказали предположение, что смысл выражения «заполняли круг щита» подразумевает строй «стена щитов».⁴⁴ Но в контексте перечисления предметов вооружения варягов вряд ли оправданно смешивать приемы их военной тактики. Наоборот, следует обратить пристальное внимание на конструктивные особенности круглого выпуклого византийского щита, посередине которого возвышался умбон (*umbon*), к тому же в поздневизантийский период широкое распространение получает именно баклер с умбоном в виде четырехгранного шипа. На Западе в позднем Средневековье приобретает особую популярность оружейный термин «gondel» (*исп.* – *gondel*, *фр.* – *rundel*, *англ.* – *rondell*, *нем.* – *runder*) в значении «круг», «круглый», «окружность», который вполне мог быть соотнесен применительно к византийскому круглому щиту варяжской стражи с дальнейшей трансформацией в собирательное название «рынд» по этой отличительной особенности.

«Четверо юношей, **державших в руках топорики**, одетых в белые полотняные одежды» («с топорами, сделанными по образцу алебард по русскому обычаю»)⁴⁵ упоминаются также в дневнике датского дипломата Якоба Ульфельдта, посетившего царя Ивана IV Грозного в Александровской слободе в августе 1578 г.⁴⁶ Достоверные изображения парадных топоров рынд были выполнены в издании 1608 г. И.Т. де Бри (1561–1623) по зарисовкам самого датчанина и позволяют провести оружиеведческую экспертизу с привлечени-

Ил. 3. Прием царем Иваном IV Грозным посольства Я. Ульфельдта в Александровской слободе. Гравюра И.Т. де Бри. 1608 г.

ем предметов парадного вооружения из фондов Оружейной палаты Московского Кремля.

Ил. 4. Парадный топор с золотой наводкой (5515 ОП)

Ил. 5. Парадный топор с серебряной декоративной насечкой и насеченным золотом двуглавым орлом под одним венцом с одной стороны и птицей с другой (5522 ОП). Длина с древком – 68,7 см

Рынды на гравюре И.Т. де Бри изображены без золотых цепей крест-накрест, о чем свидетельствует текст Я. Ульфелдта, но самое главное, они представлены с топорами не в положении «на плечо», а изготовленными для удара. Кроме того, парадные топоры рынд изображены двух типов, причем топоры у пары рынд, что по левую руку от царя, имеет характерную сужающуюся форму (ил. 3). Во время аудиенции английского посла в России

Джерома Бауса в октябре 1583 г. *«Царь сидел в полном своем величии, в богатой одежде, перед ним находились три его короны, по обе стороны царя стояли четверо молодых слуг из знати, называемых «рынды» (rindeys), в блестящих кафтанах из серебряной парчи с четьрьмя серебряными топориками».*⁴⁷

Наиболее близким по типу к посольским топорам рынд на гравюре И.Т. де Бри является парадный топор с золотой насечкой (5515 ОП), поступивший в Оружейную палату в 1810 г. из Рюст-Камеры «в числе молотков» (ил. 4). Близкую разновидность указанного типа посольского топора рынд представляет парадный топор (ил. 5) с серебряной декоративной насечкой и насеченным золотом двуглавым орлом под одним венцом с одной стороны и птицей с другой (5522 ОП), запи-

санный в Описи 1687 г. под № 7.⁴⁸ Дальнейшим развитием данного типа посольского топора рынд можно рассматривать парадный топор работы мастеров Оружейной палаты середины XVII в. из собрания Арсенала (ГЭ. В.О.-541).

Между тем, в современной литературе можно встретить ошибочные указания, что будто бы «самое раннее описание рынд принадлежит Адаму Олеарию, входившему в голштинское посольство 1632 г.».⁴⁹ Судя по отчетам 1604/1605 гг. французского политического агента Жака Маржерета, дворцовый чин почетного караула рынд на рубеже XVI–XVII вв. состоял в том, что *«по обе стороны от императора стояли по два молодых вельможи, одетых в платья из белого бархата, снаружи кругом обшитые горностаем на ширину в полфута, в белых шапках, с двумя золотыми цепями крестообразно на шее, и каждый с дорогим боевым топором из дамасской стали, они держат их на плече, словно готовясь нанести удар; все это олицетворяет величие государя»*.⁵⁰ Описание почетного караула рынд приведено также в записках поляка, находившегося в свите Марины Мнишек: *«по бокам царя стояло по два дворянина с бердышами, железными на золотых рукоятках. Верхняя одежда и штаны на них были из белого бархата, подшиты и окаймлены горностаем. Сапоги тоже белые, сами они были опоясаны цепями. По левую руку стоял Дмитрий Шуйский с обнаженным мечом, в парчовой одежде, подшитой соболями»*.⁵¹ Во время Смуты в комплексе парадного оружия рынд появился посольский меч, о чем упоминает Станислав Немоевский, ставший свидетелем свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек в мае 1606 г.: *«За боярами шли четверо в белом бархате, в рысьих, из передних частей, шлыках, с широкими секирами на плечах, а перед самым великим князем мечник Михайло Шуйский, племянник нынешнего великого князя, с мечем наголо, долгим и широким, в парчовой шубе, подшитой неважными соболями, руки всунуты в выпуски; шуба имела вид реверенды, какую употребляют наши придворные ксендзы. Ношенья этого меча раньше у них не было в обычае; он только что введен, когда узнали, что такая церемония бывает у нашего короля in solennitatibus. Все они имели на себе немалые золотые цепи, а многие из них и по две, крестом»*.⁵²

Как предположил А.А. Юзефович, к четырем «рындам с традиционными чеканами» был добавлен пятый «с обнаженным

мечом» при Лжедмитрии I, после смерти которого число рынд у трона первых Романовых было доведено до 6, но меч уже не фигурировал.⁵³ Эта гипотеза противоречит источникам 1656 и 1684 гг., в которых упоминаются *«посольские булатные мечи»* рынд, а также историческим данным, приведенным в дневнике секретаря шведского посольства Э. Кемпфера 1683 г., где сообщалось, что *«с обеих сторон стояли по два молодых князя, с накрытыми головами, держа в руках, на плечах своих, большие посеребренные мечи, как бы готовые для поражения подходящих к руке»*.⁵⁴ В своих записках за тот же период времени Г. Котошихин доложил, что *«подле царя ж, по обе стороны, стоят рынды, четыре человека, наряжены в белое платье камчатое на горностаях, в шапках белых же высоких, и в сапогах, в руках держат по топору нарядному з золотом и с серебром; а бывает на тех рындах платье и топоры царское; а люди они первой и другой и третьей статьи родов, боярские дети»*.⁵⁵ Более того, подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин указал в 1666 г. на разницу в числе рынд в почетном карауле у царского трона, связанную со статусом того или иного посольства: *«только Цесарским послом и Полским и Аглинским бывает перед Свейскими послами прибавка в естве и в питье, да рынд бывает по шесть человек»*.⁵⁶

В собрании Оружейной палаты во второй половине XVII в. действительно хранилось два парадных комплекта посольских топоров по две пары в каждом, что полностью обеспечивало полное вооружение в случае почетного караула из 6 рынд. В один парадный комплект входила пара булатных топоров с насеченными золотом двуглавыми орлами под тремя коронами, которые в описи 1687 г. записаны под № 1: *«Два топора Турские, булат красной, каймы и обухи наведены золотом на обе стороны; под обухом по две мишени на обе стороны; под мишеньми в клеймах по орлу с корунами; топорища худые серебряные белые, да по два наконешника, да по две обоймицы чеканные золочены. А по нынешней переписи рч`с года и по осмотру, те топоры против прежних переписных книг сошлись. Цена тем топорам по сту по десяти рублей за топор»*.⁵⁷ Полностью соответствовала им пара топоров работы мастеров Оружейной палаты (5531 ОП, 5532 ОП), которая отличается лишь тем, что по середине топоров сделаны прорезные звездчатые репы и над ними насеченные золотом двуглавы

**Ил. 6. Парадный топор с насеченными золотом двуглавыми орлами под тремя коронами (5533 ОП; ОР-2238).
Длина с древком – 99,0 см,
длина топора – 38,0 см,
ширина топора
с обухом – 29,5 см**

орлы, как отмечено в описи 1687 г. под № 2: «два топора Турские, булат красной, каймы и обухи наведены золотом на обе стороны; под обухи мишени и под мишеньми по клейму, в клеймах по орлику с коруны на обе ж стороны наведены золотом; среди топоров репы прорезаны; топорница худы серебряны белые, по два наконешника, да по две обоймицы чеканные золочены. А по нынешней переписи рч'е года и по осмотру, те топоры против прежних переписных книг сошлись. Цена тем топорам по сту по десяти рублей за топор».⁵⁸

Второй парадный комплект посольских топоров составляли четыре булатных топора (ил. 6) с насеченными золотом двуглавыми орлами под тремя коронами работы мастеров Оружейной палаты, 1-я половина XVII в. (5533–5536 ОП; ОР-2238–2241), которые упомянуты уже в Описи Большого наряда 1642 г.: «Четыре топора, что бывають у Рынд при послех; по топорам с обе стороны в кругах набито золотом по орлу пластаному; по топором же около орлов и по обухом набиваны травки золотом же; у топоров топорница оправлены серебром чеканным золоченым; у топорниц с оба конца по яблоку, в них каменя бирюзы попорчены, а иные и выпадали. У топоров влагалища деревянные оболочены кожею, а внутри сукном зеленым». В Описи 1687 г. они записаны как «Четыре топоры Московское дело» под № 4: «стальные, наведены золотом травы розметные на обе

стороны, в травах по два льва, на стороне в середине по кругу, в кругах по орлу с корунами; с правой стороны в орле по человеку на коне колют змию; а с левой стороны в орле по индрокку (единорогу); наведены золотом, обухи наведены золотом же, на обухах по два яблока, одни прорезные, другие грани косые, наведены золотом; топорница оправа серебряная, чеканная золочена; на конце в емах хозы белые серебряные, в наконешниках по десяти бирюзы, а у другога топора две бирюзы попорчены. А по нынешней переписи рч`с года и по осмотру, те топоры против прежних переписных книг сошлись; в двух топорах четырех бирюз нет, одна бирюза пополам переломлена, и половины нет. Цена тем топорам по семидесяти рублев за топор».⁵⁹

Равно как при дворе византийского василевса, где царским спафариям полагалось быть «в надлежащей форме»,⁶⁰ так и Государевы рынды облачались в парадное платье, выдавшееся из Государевой казны. О мастерах, «что делали рындам 4 белых сапога», впервые сообщается в расходной книге денежной казны Казенного приказа 1613 г. Численность рынд, установившаяся с воцарением династии Романовых, позволяет определить опись царской казны на Казенном дворе 1640 г., куда вошло одно из первых описаний «платья рынд»: «шубы горнастайные, 4 терлика... 4 кушака, 4 шапки, 10 сапоги сафьянные белые... 4 шубы на горностаиях».⁶¹ Унаследован был на Руси и неперемный атрибут константинопольских спафариев с секирами, а именно: парадный топор, благодаря чему одеяние рынд стало первым русским образцом форменной одежды, в которой неотъемлемым аксессуаром служило парадное оружие.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что византийский по своему происхождению чин рынд со всей своей обрядностью органично вписался в структуру кремлевского ведомства Большого Дворца, возвышая этикет русского самодержца до уровня василевсов «Нового Рима». Важнейшим атрибутом данного чина явились посольские топоры, ставшие подлинными шедеврами оружейного искусства московской школы. Угасание идеи «Москвы – Третьего Рима» ознаменовалось отменой Петром I в 1698 г. дворцового чина рынд.

- ¹ Устьянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 352–353.
- ² Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 22.
- ³ ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 279 (Л. 406 об).
- ⁴ Яковлев А.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 4.
- ⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 185.
- ⁶ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 221.
- ⁷ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 311.
- ⁸ Миллер Ф.И. Известие о дворянах российских. СПб., 1790. С. 58–59.
- ⁹ Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России, подготовил Н.И. Новиков // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XX. М., 1791. С. 222–224.
- ¹⁰ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 109, 133, 209.
- ¹¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1870. С. 224.
- ¹² Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990. С. 147.
- ¹³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 106.
- ¹⁴ Устьянов О.Г. О времени зарождения на Руси концепции «Москва – Третий Рим» («Donatio Constantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 196–214.
- ¹⁵ Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594 // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. С. 17.
- ¹⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского История государства Российского: В 12 т. Т. VII. Гл. III. С. 110. прим. 231.
- ¹⁷ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 1. СПб., 1899. С. 51–52.
- ¹⁸ Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 57–58.
- ¹⁹ Устьянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 361. Примеч. 1.
- ²⁰ Пчелов Е.В. Символика воинских регалий московских царей // Власть. № 2. М., 2009. С. 114–116.
- ²¹ Регель В.Э. Хрисовулл императора Андрея Палеолога 13 апреля 1483 года // Византийский временник. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1894. С. 151–159.
- ²² Подробнее см.: Устьянов О.Г. «ROMA QUADRATA III». К 500-летию строительства дворца великого князя Ивана III в Кремле // Вехи русской истории в памятниках культуры. Макариевские чтения. Вып. V. Можайск, 1998. С. 508–529.
- ²³ Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. Минск, 2013. С. 195.
- ²⁴ Морозова Л.Е. 1) Знаменитые женщины Московской Руси XV–XVI века. М., 2014. С. 205–206; 2) К вопросу об обстоятельствах женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. № 2. СПб., 2014. С. 156–167.
- ²⁵ Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М., 1996. С. 66.
- ²⁶ Sulla legazione del principe di Mosca Basilio Magno a Clemente VII (noto anche come

Moschovia) prima edizione Pauli Iovii Novocomensis Libellus del legatione Basillii Magnii Principis Moschoviae, in aedibus F. Minitii Calvi, Romae, 1525; рус. пер.: Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 52.

²⁷ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 87.

²⁸ Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 68.

²⁹ Беляев Д.Ф. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 1. СПб., 1891. С. 176.

³⁰ Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 351–366.

³¹ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.Б. Калачевым. Кн. 1. Отд. II. СПб., 1861. С. 32.

³² Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 163, 221.

³³ Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. II. Bratislava, 1960. С. 510.

³⁴ Львов М.А. О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXI. Нумизматика. 5. Л., 1981. С. 106–111.

³⁵ Relazione di Moscovia Scritta da Raffaello Barberino al conte di Nubarola, Anversa li 16 ottobre, 1565 / a cura di Maria Giulia Barberini, Idalberto Fei. Palermo; Sellerio, 1996. 111 p.; рус. пер.: Сын отечества. Ч. III, № 7. 1842. С. 16. В работах с данным текстом В.Р. Мединского есть ссылки лишь на русский перевод 1842 г. и ни одного современного научного издания первоисточника.

³⁶ Ульянов О.Г. Венчание на царство Владимира Святого и утверждение царского титула Ивана Грозного в грамоте Константинопольского патриарха Иоасафа II // Историк и общество. Исторический факт и политическая полемика. М., 2011. С. 80–97.

³⁷ Johanni Cantacuzeni Historiarum. libri I. 41. V. I. Bonnae, 1828.

³⁸ ГИМ. Синод. 562; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008. С. 280–281.

³⁹ Kampf Fr. Die Leibwache (rynda) Ivan IV. gemass den Angaben des Ranglistenbuch // Geschich-te Russlands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Gunter Stokl. Stuttgart, 1986. S. 142–151.

⁴⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 529.

⁴¹ Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 56.

⁴² Этимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 5: Р – Т. Киев, 2006.

⁴³ Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. СПб.: Алетейя, 2003. С. 290.

⁴⁴ Кашляк С. Г. Росы и Византийский Понт // Τμήμα σύνταξης. Pontos news.

⁴⁵ Щербачев Ю.Н. Два посольства при Иоанне IV Васильевиче // Русский вестник. СПб., 1887. Т. 189. 7 (июль). С. 139.

⁴⁶ Ульфельдт Якоб. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 320.

⁴⁷ Горсей Джером. Записки о России XVI – начало XVII. М.: МГУ, 1991. С. 84.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 136; Ульянов О.Г. Опись Оружейной палаты 1687 г. – Ultima Thule московской оружейной школы XVII в. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. IV. С. 287–303.

⁴⁹ Пономарева И.Г. Из истории русского дворцового церемониала (ранние известия о рындах) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Оргкомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова (Москва). № 4. М., 2015. С. 41–46.

⁵⁰ Смута в Московском государстве. М., 1989. С. 209–210.

- ⁵¹ Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 40.
- ⁵² Документы и материалы о свадьбе Лжедмитрия I и Марины Мнишек // Дневник Марины Мнишек. Приложение II. М., 1995. С. 184.
- ⁵³ Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1988. С. 103–104.
- ⁵⁴ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // ЧОИДР. Кн. III. М., 1873. С. 338.
- ⁵⁵ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. С. 69.
- ⁵⁶ Там же. С. 76.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 936. Л. 133.
- ⁵⁸ Там же. Л. 134.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Беляев Д.Ф. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. II. СПб., 1893. С. 40.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. I. Ед. хр. 4. Л. 298; Ед. хр. 65.